

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК 929+91

Поступила 25 февраля 2014 г.

ТОЛЬКО БЕРЕГИТЕ ЭТУ ЗЕМЛЮ!

*д-р геогр. наук Э.И. САРУХАНИЯ**Всемирная метеорологическая организация*

Октябрь 1980 года. Киргизия. В республиканском Дворце съездов на закрытии VII Съезда Географического общества СССР с заключительным словом выступает Алексей Федорович Трёшников, единогласно переизбранный президентом общества. Присутствующие в зале ожидают как обычно традиционную речь о задачах и перспективах развития общества, но с трибуны съезда неожиданно звучат строки стихов замечательного поэта-фронтовика Михаила Дудина (Дудин, 1980):

«Берегите Землю!
 Берегите
 Чудо песен
 Городов и весей
 Мрак глубин и волно поднебесий.

 Берегите будущего ради
 Это слово из моей тетради.
 Все дарю!
 И все от вас приемлю!
 Только берегите эту Землю!»

Зал встает в едином порыве и устраивает оратору овацию...

Май 1986 года. Из письма А.Ф.Трёшникова: «... На собрании нашего Отделения я сделал доклад о тревожном будущем Ладоги и Севана, а на общем собрании Академии добился слова, чтобы обратить внимание на науки об охране природы и внести их в разряд приоритетных...» (Трёшников, 1985).

Ноябрь 1986 года. Из письма А.Ф.Трёшникова с соавторами в газету «Правда»: «Быть или не быть Ладоге живой? Так стоит сегодня вопрос. Никто, кроме нас, на него не ответит. В ответе перед современниками и потомками за судьбу озера тоже мы.» (Трёшников и др., 1986).

Таким он был человеком — этот выдающийся полярный исследователь, замечательный ученый и общественный деятель, которого больше всего заботила судьба планеты Земля и ее обитателей. Неслучайно, посвящая ему свой стихотворный цикл «Полярный круг», Михаил Дудин написал: «Алексею Федоровичу Трёшникову с благодарностью за то, что он есть, за то, что в его представлении Полюс — не только географическое понятие, а еще та самая точка в человеческой душе, где скрещиваются все тревоги мира и где начинается в Человеке Человечество» (Дудин, 1980).

Таким он вошел и в нашу жизнь. Двадцать с лишним лет мы были связаны с Алексеем Фёдоровичем узами тесной дружбы и замечательным общим делом, вошедшим в историю науки под названием Полярный эксперимент. Мы прошли с ним все этапы развития программы Полярного эксперимента — от его зарождения, планирования и создания специального отдела ПОЛЭКС, который вобрал в себя талантливую молодежь, до осуществления крупномасштабных натуральных экспериментов в Северном Ледовитом и Южном океанах (Трёшников и др., 1978). В тесном общении с ним все более отчетливо открывалось его предназначение как человека, постоянно нацеленного на поиск нового и неизведанного. Именно об этом говорили все предыдущие этапы его полярной карьеры.

Начиная с первых университетских лет девизом Трёшникова стали знаменитые слова из поэмы Альфреда Теннисона «Улисс»: «Бороться и искать, найти и не сдаваться», которые начертаны на надгробном кресте Роберта Скотта и его соратников, поставленном на вершине Обсервер Хилл в Антарктиде. Он следовал этому девизу как перед войной во время своих нелегких походов по Новосибирским островам и проливам, так и в последующие годы, участвуя в Высокоширотных воздушных экспедициях «Север», возглавляя дрейф станции «Северный полюс-3» и три Советские антарктические экспедиции.

К сожалению, не всегда его вера в свое предназначение и целеустремленность воспринимались положительно. Однажды, когда мы были вместе в одной из экспедиций, Алексей Федорович рассказал историю его исключения из комсомола на последнем курсе университета. На дворе стоял тревожный 1939 год. Шел призыв молодежи в военную авиацию, и в университет приехал из Москвы инструктор ЦК комсомола с задачей набора добровольцев. Алексей Трёшников, уже получивший к этому времени опыт плавания в полярных морях в период курсовых практик, заметно выделялся среди окружавших его сверстников, и представитель ЦК остановил свой выбор на нем.

«Когда он подошел ко мне с предложением пойти в авиацию, — рассказывал Трёшников, — я решительно заявил, что уже сделал свой выбор в пользу исследования Арктики. Однако он настаивал, а я продолжал отказываться. Тогда он потребовал исключить меня из комсомола как человека, противящегося установке ЦК. К сожалению, комитет комсомола университета пошел на этот шаг. Лишь одна студентка, бывшая в те годы секретарем этого комитета, проголосовала против. Более того, она отстояла меня и на заседании райкома комсомола, за что я остался ей благодарен на всю жизнь. Отделавшись строгим выговором, я был спасен для Арктики, поскольку исключение из комсомола автоматически влекло за собой и отчисление из университета. Спустя десять лет, уже став Героем Социалистического Труда, я встретил этого деятеля в коридорах власти. Он кинулся ко мне с приветствиями, но руки я ему не подал».

Эта история лишней раз подчеркивает преданность Трёшникова избранному пути, умение твердо отстаивать свою позицию, стремление всегда идти до победного конца. Такие черты характера, сложившиеся еще в ранней молодости, несомненно, помогли ему занять впоследствии лидирующую роль в отечественных полярных исследованиях. Одним из наиболее ярких проявлений этих черт стало поведение Трёшникова как руководителя тяжелейшего санно-тракторного похода в глубь Антарктиды, целью которого было открытие в окрестности южного геомагнитного полюса внутриконтинентальной станции Восток. Успешное осуществление замысла во

многим зависело от воли и целеустремленности руководителя похода, и Трёшников справился со своей задачей блестяще.

О знаменитом походе написано немало, но хотелось бы привести еще и мнение человека со стороны — американского обменного ученого-метеоролога Гордона Картрайта, зимовавшего вместе с А.Ф. Трёшниковым на станции Мирный в 1956—1957 гг. В мае 1991 г. Картрайт, узнав об ухудшении состоянии здоровья Алексея Фёдоровича, прислал ему письмо следующего содержания (Картрайт, 1991):

«Дорогой Алексей Фёдорович!

Я опечалился, узнав от профессора Юрия Израэля о том, что Вы пребываете не в своем обычном добром здравии. Это кажется мне невозможным, поскольку Вы мне запомнились самым активным человеком в нашей экспедиции в Мирном.

Я помню, как если бы это было вчера, тот замечательный солнечный день в марте 1957 г., когда Вы повели самый большой из когда-либо собранных в Антарктиде тракторный поезд в опасный путь на станцию Восток. Вы стояли на вершине саней в великолепном полярном разноцветном костюме, чтобы напутствовать своих товарищей по путешествию и услышать пожелания счастливого пути от тех, кто оставался.

Небольшой ярко-красный самолет наблюдения кружил над нами, как разноцветная ракета, запущенная в небо. Это было замечательное зрелище для всех нас, и, особенно, для американского обменного ученого, которому повезло оказаться здесь.

Пока мы все наблюдали это с некоторой завистью, километровый караван саней начал долгое восхождение от низкого ледового шельфа к крутым ненадежным краям ледового щита и вскоре исчез в белом безмолвии. Мы все хотели быть с вами.

Проходили дни и недели, а Ваша группа неуклонно двигалась к югу. Мы узнавали из сообщений по радио о тяжелых застругах, которые мешали движению. Затем, когда вы достигли самых высоких районов плато, где обычно преобладали слабые ветры, поезд начал увязать в рыхлом снегу.

И наконец Вы основали станцию Восток. Это было великое достижение.

Я помню Ваше возвращение в Мирный. Возможно, это был самый быстрый пробег тракторного поезда, когда-либо совершенный в Антарктиде в то время. Вы помните, как Вы хотели вернуться обратно в «город» к празднику и большой парной бане? ...

А затем и фантастический банкет в Вашем штабе, или в «Белом Доме», как кто-то из нас прозвал его? На следующий день никто из нас не был в норме!

Или же день, когда Вы и начальник станции осматривали базовый лагерь и вездеход провалился в расщелину? Или Ваши многочисленные визиты в наши различные группы с целью вдохновить нас больше думать о научных проблемах? «Думайте! Думайте!» — призывали Вы всех нас.

Да, Алексей Федорович, это был замечательный год для американского метеоролога, в течение которого я делил теплую дружбу с Вами и 180 членами Второй советской антарктической экспедиции. Какое прекрасное начало Международного геофизического года! Я всегда буду благодарен за Вашу большую поддержку и помощь мне в этот незабываемый год. Спасибо всем вам!

Гордон Картрайт
Женева, май 1991 г.»

Последняя фраза письма свидетельствует еще об одной черте личности А.Ф. Трёшникова. Будучи патриотом своей страны, добиваясь ее приоритета в полярных исследованиях, он, в то же время, прекрасно понимал пользу и эффективность международного научного сотрудничества, особенно при изучении полярных областей планеты. Опыт проведения Международного геофизического года 1957—1958 гг., в котором он принимал самое деятельное участие, убедительно это доказал. Поэтому

Встреча научно-исследовательских судов в Гренландском море во время экспедиции «ПОЛЭКС-Север», 1976 г. Слева направо: Э.И. Саруханян, А.Ф. Трёшников, Н.П. Смирнов. Фото из архива ААНИИ.

и нас, своих соратников по осуществлению программы Полярного эксперимента в Южной полярной области, получившей название «ПОЛЭКС-Юг», он тоже настраивал на международное сотрудничество, активно способствуя обмену учеными на антарктических станциях и судах, работавших по программе «ПОЛЭКС-Юг», и организации советско-американских совещаний по изучению Южного океана, проходивших у нас и в США.

Вспоминается наша совместная поездка в Бостон в июне 1978 г., где в Масачусетском технологическом институте было организовано очередное советско-американское совещание. Нашу делегацию возглавлял Алексей Фёдорович, американскую — Джеймс Бейкер, будущий глава Национального управления США по исследованию океана и атмосферы.

В конце рабочей недели, заполненной докладами о результатах экспедиционных работ, проведенных в Южном океане по программам «ПОЛЭКС-Юг» и «Международные исследования Южного океана» нами и нашими американскими коллегами, Дж. Бейкер пригласил всех участников совещания на ужин. Теплым июньским вечером мы сидели за большим круглым столом в бревенчатом двухэтажном доме на окраине Бостона, пили сухое вино и обменивались впечатлениями о заслушанных докладах. Почти все они были посвящены результатам изучения Антарктического циркумполярного течения в различных районах Южного океана. Однако одно из сообщений, а именно доклад профессора Колумбийского университета А. Гордона об аномальном явлении, наблюдавшемся на восточной окраине моря Уэдделла в окрестности поднятия Мод, несколько отличалось от общей тематики.

Суть аномального явления заключалась в том, что, согласно результатам спутниковых наблюдений, в период зим Южного полушария 1974—1976 гг. в этом районе существовала зона свободной от льда водной поверхности, приблизительно равная по площади Черному морю. О причинах этого явления можно было только догадываться, и профессор Гордон, говоря об этом в своем докладе, скорее, поставил вопросы, чем ответил на них. Это было понятно, поскольку об осенне-зимнем гидрологическом режиме моря Уэдделла мало что было известно.

Естественно, на вечернем неофициальном приеме мы вернулись к обсуждению доклада Гордона. Основной результат этого обсуждения свелся к тому, что для выяснения причин возникновения и существования «попыньи Уэдделла», как было названо это явление, необходима экспедиция в период наличия в этом районе ледяного покрова, то есть в осенне-зимние месяцы Южного полушария.

«Если бы ваш институт, — обращаясь к Трёшникову, вдруг произнес Бейкер, — смог выделить для такой экспедиции судно ледокольного типа, то мы бы поставили

на него всю необходимую аппаратуру для океанографических и других исследований, и могла бы получиться интересная экспедиция».

Мы переглянулись. Хотя к этому времени у нас уже был опыт обмена отдельными советскими и американскими специалистами на судах, подобная совместная экспедиция, с большим количеством американских специалистов на советском судне и преимущественным использованием американской океанографической аппаратуры, нами еще не проводилась.

«Хорошо, мы подумаем над этим предложением», — ответил Алексей Федорович.

Нетрудно представить, что на пути в отель «Мотор-хауз», где остановилась наша делегация, мы только и говорили об этом предложении. Идея зимних плаваний в Южный океан с помощью судов ледового класса была высказана Трёшниковым еще за два года до этого. В своей книге «Зимой в Южном океане», посвященной сложной, но блестяще выполненной спасательной операции в связи с ледовым дрейфом д/э «Обь», он писал: «Несмотря на все трудности, связанные с темнотой зимнего времени и неустойчивой погодой, зимой в Южном океане могут плавать суда ледового класса. По-видимому, проникновение зыби от штормов и периодический разлом смерзшегося льда под ее влиянием — явление, характерное для Южного океана. В такие периоды суда типа «Наварин» (НЭС «Михаил Сомов того же класса. — *Прим. авт.*) могут заходить далеко на юг, в глубь ледового пояса» (Трёшников, 1976). Поэтому мы не очень удивились, когда, как бы подводя итог нашей дискуссии по пути к отелю, Трёшников произнес: «Почему бы и нет?» Для нас эта фраза при ее кажущейся обыденности, была неслучайной. «Почему бы и нет?» (по-французски «Пуркуа па?») называлось судно французского полярного исследователя и океанографа Жана-Батиста Шарко, об экспедиции которого А.Ф. Трёшников писал в своем труде «История открытия и исследования Антарктиды» (Трёшников, 1963).

Так в тот вечер родилось решение о проведении советско-американской экспедиции «Полынья Уэдделла-81» на НЭС «Михаил Сомов». Экспедиция, руководителем которой был автор этих строк, прошла успешно и принесла интересные результаты. Она послужила началом крупномасштабных международных исследований круговорота Уэдделла, проведенных впоследствии как совместной экспедицией под руководством Н.В. Багрянцева на НЭС «Академик Фёдоров» и судне ФРГ «Поларштерн» в сентябре 1989 г., так и на первой антарктической дрейфующей станции «Уэдделл-1», которую возглавлял В.В. Лукин и на которой с 12 февраля по 9 июня 1992 г. дрейфовали 15 российских и 17 американских полярников (Саватюгин, 2004).

А началось все со знаменитой фразы «Почему бы и нет?».

Присущее А.Ф. Трёшникову умение вдохновлять людей и направлять их на интересные дела в полной мере проявилось и в период организации и проведения одной из крупнейших национальных комплексных экспедиций «ПОЛЭКС — Север-76», охватившей весной 1976 г. всю Северную полярную область. В экспедиции одновременно и по единой программе работали более десяти научно-исследовательских судов, два самолета-лаборатории, два самолетных отряда Высокоширотной воздушной экспедиции «Север», две дрейфующие станции «Северный полюс» и более сорока наземных аэрологических станций.

Программу экспедиции разработала группа ведущих ученых ААНИИ с привлечением специалистов других институтов. Алексей Федорович был назначен начальником экспедиции, мы — Николай Павлович Смирнов и автор этих строк — его

А.Ф.Трешников на о. Жохова. Апрель 1986 г.
Фото А.Артемова.

заместителями. «Я находился на борту «Профессора Визе», здесь же находился штаб по управлению всем экспериментом, — писал Трешников в книге «Мои полярные путешествия». — Сюда же по радио стекалась вся научная информация, которая обрабатывалась на судовой ЭВМ. Научные результаты эксперимента опубликованы в научных трудах. О личных впечатлениях и переживаниях 1976 г. можно написать еще одну книгу. Может быть, я и сделаю это когда-нибудь. Снова я несколько месяцев жил напряженной морской жизнью и испытывал необычные переживания. Вернувшись тогда, подумал: «Неужели теперь это моя «лебединая песня?»» (Трешников, 1985).

Книгу об этой экспедиции Алексею Федоровичу написать не удалось, но, по счастью, ему предстояло еще одно свидание с Арктикой. В мае 1986 г. Алексей Федорович с присущей ему самоиронией писал автору этого очерка: «О моей персоне Центральная студия телевидения снимает фильм.

Сценарист Володя Стругацкий. Фильм на 50 минут. В него войдут эпизоды из моей полярной жизни (благо есть материал в киноархивах), затем выступление перед студентами геофака ЛГУ, далее Институт озероведения — киногруппа ездил со мной на Севан, где я проводил итоговую конференцию. Снимали «лирические эпизоды» зимой на даче в Комарово. И, наконец, спровоцировали меня сниматься в Арктике. Я легко поддался и с 21 по 28 февраля слетал на работающую станцию СП-27...» (Трешников. Личный архив автора).

Этот полет на СП-27 и стал его «лебединой песней», хотя жажда снова побывать в Арктике и Антарктиде продолжала в нем жить, и мы всегда это чувствовали. За два года до этого письма, когда Алексей Федорович отмечал свое 70-летие, отдел ПОЛЭКС обратился к нему со стихами:

«Давайте сознаемся в самом начале,
В канун юбилейной весны,
Что снова, как прежде, Вам снятся ночами
Полярные белые сны.
Не может ведь вычеркнуть память ни строчки,
Коль лед Антарктиды манит.
Тягач, на котором Вы шли, на Востоке
На вечной стоянке стоит.
Бывало над нами в морях-океанах
Звучал Ваш раскатистый гром,
И хоть Вы теперь над озерами главный
Мы все же уверены в том,
Что Вам бы хотелось, откинув все мысли,
Отбросить заботы, и вдруг —

Рвануться в просторы на беленьком НИСе,
И в «ПОЛЭКС» — хоть «Север», хоть «Юг».
Но судьбы Севана и Ладоги с Волгой
Волнуют Вас в данный момент.
Желает Вам жизни счастливой и долгой
Полярный эксперимент».

Долгой жизни, к глубокому сожалению, не получилось. Сказались изматывающие походы по Новосибирским островам, длительное пребывание в ледяной воде, нервное напряжение в арктических и антарктических экспедициях, гнетущая ответственность за судьбы людей и экспедиций на посту директора ААНИИ. Было тяжело видеть его, могучего и негибаемого, с трудом передвигающимся по квартире. Однако он мужественно держался и только однажды сказал мне: «Дай тебе Бог никогда не быть в таком беспомощном состоянии». Тем не менее и в этом тяжелом положении у него сохранялись необыкновенная ясность ума и живой интерес ко всему, что происходило вокруг, к нашим профессиональным делам.

Он рано ушел из жизни, но остались ученики и последователи, труды и книги, осталась светлая память об этом необыкновенном человеке, дружбой с которым нас одарила судьба. Осталось его завещание потомкам: «Только берегите эту Землю!».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дудин М.* (1980). Заклинание с полюса // Ландыши на минном поле. —М.: Воениздат. с. 328.
- Картрайт Г.* (1991). Письмо А.Ф. Трёшникову / Пер. автора. —Личный архив автора.
- Саватюгин Л.М.* (2004). Российская наука в Антарктике. —М.: Городец. С. 274—276.
- Трёшников А.Ф.* (1963). История открытия и исследования Антарктиды. —М.: Географгиз. С. 77—78.
- Трёшников А.Ф.* (1976). Зимой в Южном океане. —Л.: Гидрометеиздат. С. 76.
- Трёшников А.Ф., Саруханян Э.И., Смирнов Н.П.* (1978). Исследования по программе Полярного эксперимента. —Л.: Гидрометеиздат. 9 с.
- Трёшников А.Ф.* (1985). Мои полярные путешествия. —М.: Мысль. 474 с.
- Трёшников А.Ф.* (1986). Письмо автору от 11 мая 1986 г. —Личный архив автора.
- Трёшников А.Ф.* и др. (1986). Быть ли Ладоге живой? // Газета «Правда». 11 ноября 1986 г. № 315.